

3. ЖИВОТНОЕ СОСТОЯНИЕ. ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

Каковы потребности человека и каковы условия его существования?

Изучая самым ближайшим образом этот вопрос, мы найдем, что, несмотря на бесконечную дистанцию, которая, как нам кажется, отделяет человеческий мир от животного мира, в сущности главные пункты самого утонченного человеческого существования и наименее развитого животного существования тождественны: родиться, развиваться и вырасти, работать, чтобы есть, чтобы укрываться и защищаться, поддерживать свое индивидуальное существование в социальной среде вида, любить, воспроизводиться и затем умереть. К этим пунктам добавляется для человека только один новый: думать и познавать – способность и потребность, которые несомненно встречаются в низшей, хотя и достаточно заметной, степени у животных, наиболее приближающихся по своей организации к человеку, но которые только в человеке достигают столь повелительной и постоянно господствующей силы, что они преобразуют всю его жизнь. Как очень хорошо заметил один из наиболее отважных мыслителей наших дней, Людвиг Фейербах, человек делает все то, что делают животные, но только он призван это делать – и благодаря столь обширной способности мыслить, благодаря силе отвлечения, которая отличает его от животных и от всех других существ, он вынужден это делать – все более и более человечно. В этом все различие, но оно огромно. Оно содержит в зародыше всю нашу цивилизацию со всеми чудесами индустрии, науки и искусств, со всеми религиозными, философскими, эстетическими, политическими, экономическими и социальными проявлениями – одним словом, весь мир истории.

Все, что живет, сказал я, побуждаемое фатальностью, которая ему присуща и которая проявляется в каждом существе как совокупность способностей или свойств, стремится осуществиться в полноте своего бытия. Человек, существо одновременно мыслящее и живое, должен, для того чтобы осуществиться в этой полноте, познать самого себя. Вот причина огромного отставания, которое мы находим в его развитии и которое приводит к тому, что для того, чтобы прийти к нынешнему состоянию цивилизации в самых передовых странах, к состоянию, еще столь мало соответствующему идеалу, к которому мы ныне стремимся, человеку понадобилось я не знаю сколько десятков или сотен веков. Можно было бы сказать, что в своем поиске самого себя, через все свои исторические странствия и преобразования, он должен был сначала исчерпать все возможные зверства, беззакония и несчастия для того, чтобы только осуществить так мало разума и справедливости, которые ныне царят в мире.

Человек, постоянно побуждаемый той же фатальностью, которая составляет основной закон жизни, создает свой человеческий мир, свой исторический мир, отвоевывая шаг за шагом у

внешнего мира и у своей собственной животности свою свободу и свое человеческое достоинство. Он отвоевывает их посредством науки и труда.

Все животные вынуждены работать, чтобы жить; все они, не опасаясь этого и не осознавая это ни в малейшей степени, участвуют в мере своих потребностей, своего разума и своей силы в столь неторопливом деле, как превращение поверхности нашего земного шара в место, благоприятное для животной жизни. Но этот труд становится трудом собственно человеческим лишь тогда, когда он начинает служить удовлетворению не только постоянных и фатально предписанных потребностей животной жизни, но еще и потребностей социального, мыслящего и говорящего существа, которое стремится завоевать и полностью осуществить свою свободу.

Выполнение этой огромной задачи, которую особая природа человека навязывает ему как необходимость, присущую его существованию (человек вынужден завоевывать свою свободу), не является только умственным и нравственным делом; во временном порядке, а также под углом зрения нашего разумного развития это прежде всего материальное освобождение. Человек становится действительно человеком, завоевывает возможность своего внутреннего освобождения лишь в той мере, в какой он добивается разрыва цепей рабства, которыми внешняя природа отягощает все живые существа. Эти цепи, начиная с наиболее грубых и наиболее очевидных, суть: лишения всякого рода, непрерывное воздействие времен года и климата, голод, холод, жара, влажность, засуха и многие другие материальные влияния, которые прямо воздействуют на животную жизнь и поддерживают живое существо в квазибезусловной зависимости от внешнего мира; это постоянные опасности, которые угрожают живому существу, угнетают его со всех сторон в форме всякого рода естественных явлений, тем более что сам он, будучи естественным существом и лишь продуктом той самой природы, которая давит на него, окружает и пронизывает его, он несет в себе, если можно так выразиться, врага в самом себе, и у него нет никакого средства от него избавиться. Из этого рождается тот постоянный страх, который его охватывает и который составляет основу всякого животного существования, страх, который, как я докажу позднее, составляет первооснову всякой религии. Отсюда для животного вытекает также необходимость бороться на протяжении всей своей жизни против опасностей, которые угрожают ему совне, необходимость поддерживать свое собственное существование как индивида и свое общественное существование как вида за счет всего того, что его окружает: вещей, живых и органических существ. Отсюда для животных всех видов вытекает необходимость труда.

Всякое животное работает и живет, лишь работая. И человек как живое существо не освобожден от этой необходимости, которая есть верховный закон жизни. Чтобы поддерживать свое существование, чтобы развиваться во всей полноте своего существа, он должен работать. Однако между трудом человека и трудом животных всех видов имеется огромное различие: труд животных – застойный труд, так как их разум застойный; напротив, труд человека существенно прогрессивен, так как его разум прогрессивен в более высокой степени.

Ничто не доказывает лучше очень низкий уровень всех других видов животных по сравнению с человеком, как тот несомненный и безусловный факт, что методы, а также

произведения как коллективного, так и индивидуального труда всех других животных, которые зачастую настолько искусны, что можно подумать, что они направляются и изготавливаются научно развитым разумом, почти не изменяются и не совершенствуются. Муравьи, пчелы, бобры, другие животные, которые живут в сообществах, нынче делают точно то же, что они делали три тысячи лет тому назад, а это доказывает, что в их разуме нет прогресса. Они столь же умны и столь же глупы сейчас, как и тридцать и сорок столетий назад. В животном мире происходит, правда, прогрессивное движение. Но медленно превращаются только сами виды, семейства и классы, которых побуждает борьба за жизнь, тот верховный закон животного мира, вследствие которого наиболее разумные и наиболее энергичные организации постепенно замещают более низкие организации, неспособные постоянно поддерживать борьбу против них. В этом отношении, но только в этом отношении, в животном мире, бесспорно, есть движение и прогресс. Но внутри самих видов, семейств и классов животных их нет или почти нет. Труд человека, рассматриваемый как с точки зрения методов, так и с точки зрения продуктов труда, так же способен к совершенствованию и развитию, как и его ум. Сочетая деятельность своего мозга и своей нервной системы со своей мускульной деятельностью, свой развитый наукой разум со своей физической силой, применяя свое развивающееся мышление к своему труду, который, бывши сначала исключительно животным, инстинктивным и почти машинальным и слепым, становится затем все более и более осмысленным, человек творит свой человеческий мир. Для того чтобы представить себе огромный путь, пройденный человеком, и огромный прогресс его индустрии, пусть сравнят только хижины дикарей с роскошными дворцами Парижа, которые, как мнят прусские дикари, провиденциально предназначены для уничтожения; и пусть сравнят жалкое оружие первобытных народов с теми страшными орудиями разрушения, которые, кажется, стали последним словом германской цивилизации.

Только человек делает то, что не могут делать все другие виды животных, вместе взятые. Он действительно преобразовал большую часть поверхности земного шара; он превратил ее в место, благоприятное для существования, для человеческой цивилизации. Он победил и подчинил себе природу. Он превратил этого врага, этого первоначально страшного деспота в полезного слугу или по крайней мере в союзника, столь же мощного, как и преданного.

Однако следует отдавать себе полный отчет в подлинном смысле выражений: победить природу, подчинить природу. Есть риск впасть в очень досадное недоразумение, тем более легкое, что всякого рода теологи, метафизики и идеалисты никогда не пропускали случая, чтобы воспользоваться им для доказательства превосходства человека-ума над природой-материей. Они утверждают, что вне материи существует некий ум, и они, естественно, подчиняют материю уму. Не довольствуясь этим подчинением, они выводят материю из ума, представляя последний как творца первой. Мы не оставили камня на камне от этой бессмыслицы, и теперь мы не будем больше ею заниматься. Мы не знаем и не признаем никакого другого ума, кроме ума животного, рассматриваемого в его наивысшем выражении, как человеческий ум. И мы знаем, что этот ум ни в коей мере не есть отдельное сущее вне материального мира, но что он есть именно функционирование этой организованной и живой материи, материи оживотворенной, и специально мозга.

Для того чтобы подчинить природу в смысле метафизиков, ум должен был бы на самом деле существовать совершенно вне материи. Но никакой идеалист еще не смог ответить на такой

вопрос: если материя не имеет предела ни в длину, ни в ширину, ни в глубину и если предположить, что ум находится вне материи, которая занимает всю бесконечность пространства во всех возможных направлениях, то каким же тогда может быть место ума? Или он должен занимать то же место, что и материя, строго распространяться повсюду, как материя, вместе с ней быть неотделимым от материи, или же он не может существовать. Но если чистый ум неотделим от материи, тогда он исчезает в материи, и он существует только как материя; а это значило бы еще раз сказать, что только материя существует.

Или же было бы нужно предположить, что, будучи неотделимым от материи, ум остается вне ее. Но тогда где, если материя занимает все пространство? Если ум находится вне материи, он должен быть ею ограничен. Но как нематериальное, бесконечное могло бы либо ограничиваться материальным, либо быть содержимым материального, конечного? Если ум совершенно чужд материи и независим от нее, то не очевидно ли, что он не должен и не может оказывать на нее ни малейшего воздействия, не может подчинять ее? Ведь только то, что материально, может воздействовать на материальные вещи.

Отсюда видно, что, как бы ни был поставлен этот вопрос, непременно приходишь к чудовищной нелепости. Если упорно настаивать на том, что вместе живут столь несовместимые вещи, как чистый ум и материя, то приходишь к отрицанию того и другого, к ничто. Для того чтобы существование материи было возможно, нужно, чтобы она была, – будучи Сущим по преимуществу, единственным в своем роде Сущим, одним словом, всем, что есть, – была единственной основой любой существующей вещи, основанием ума. А для того, чтобы ум был действительно прочным, нужно, чтобы он вел начало от материи, чтобы он выступал как ее проявление, ее функционирование, продукт. Чистый ум, как я докажу позднее, есть лишь безусловное отвлечение. Ничто.

Но раз уж ум является продуктом материи, то каким образом он может изменять материю? Так как человеческий ум есть не что иное, как функционирование человеческого организма, а этот организм есть совершенно материальный продукт той бесконечной совокупности действий и причин, той мировой причинности, которую мы называем природой, то где он берет силу, необходимую для преобразования природы? Условимся: человек не может ни остановить, ни изменить этот мировой ход действий и причин; он не способен изменить никакой закон природы, так как он сам существует и действует, сознательно или бессознательно, в силу этих законов. Возьмем, например, бушующий и уничтожающий все на своем пути ураган, который подгоняется силой, которая, как нам кажется, ему присуща. Если бы он мог иметь самосознание, он мог бы сказать: «Это я своим действием и своей спонтанной волей уничтожаю то, что создала природа». И он бы впал в ошибку. Он, несомненно, причина разрушения, но причина относительная, следствие множества других причин; он есть не что иное, как лишь феномен, фатально определенный мировой причинностью, той совокупностью непрерывных действий и противодействий, которая составляет природу. Так же обстоит дело со всеми действиями, которые могут совершаться всеми организованными, одушевленными и разумными существами. В момент, когда они рождаются, они первоначально суть лишь продукты; но как только они родились, и оставаясь вплоть до своей смерти производимыми и воспроизводимыми той самой природой, которая их сотворила, они в свою очередь становятся относительно деятельными причинами – одни с сознанием и ощущением того, что они делают, как все животные,

включая человека, другие без сознания, как все растения. Но что бы они ни делали, и те и другие суть не что иное, как лишь относительные причины, действующие в лоне природы в соответствии с законами природы, но никогда против нее. Каждый действует в соответствии со способностями, или свойствами, или законами, которые в данный момент ему присущи, которые составляют все его существо, но которые не связаны бесповоротно с его существованием; в доказательство: когда он умирает, эти способности, эти свойства, эти законы не умирают; они, соединяясь с новыми существами и не имея никакого существования вне этой современности и этой последовательности действительных существ, переживают его таким образом, что сами они не составляют какого-либо нематериального или отдельного существа, оставаясь вечно соединенными с преобразованиями неорганической, органической и животной материи или, скорее, представляя собой лишь эти упорядоченные преобразования единственно сущего, материи, каждое существо которого, даже самое разумное и по видимости самое своевольное, самое свободное в любой момент своей жизни, что бы оно ни думало, что бы ни предпринимало, что бы ни делало, есть лишь представитель, функционер, орган, невольно и фатально определенный мировым ходом действий и причин.

Воздействие человека на природу, так же фатально определенное законами природы, как и всякое другое действие в мире, есть продолжение, несомненно очень не прямое, механического, физического и химического действия всех сложных и простых неорганических сущих; это – более прямое продолжение воздействия растений на свою естественную среду и ближайшее продолжение все более и более развитого и самосознающего действия всех видов животных. Оно в самом деле есть не что иное, как животное действие, но направленное развивающимся разумом, наукой; впрочем, развивающийся интеллект и эта наука сами представляют собой лишь новое превращение материи в человеке. Отсюда следует, что когда человек действует на природу – это еще природа, которая воздействует на самое себя. Как видно, никакой бунт человека против природы невозможен.

Значит, человек никогда не может бороться против природы; следовательно, он не может ее ни победить, ни подчинить; даже тогда, как я сказал, когда он предпринимает и совершает действия, которые по видимости в наибольшей степени противны природе, он подчиняется законам природы. Ничто не может освободить его от нее, он – ее совершенный раб. Но это рабство не единственное, так как всякое рабство предполагает два существа, существующие одно вне другого, причем одно подчинено другому. Человек не находится вне природы, ибо сам есть не что иное, как природа; значит, он не может быть ее рабом.

Каково же тогда значение слов: бороться с природой, подчинить природу? Здесь есть вечное недоразумение, которое объясняется двойным смыслом, обычно придаваемым слову природа. В одном случае ее рассматривают как всеобщую мировую совокупность вещей и существ, а также естественных законов; против так понимаемой природы, как я сказал, никакая борьба невозможна; так как природа охватывает и содержит все, она является абсолютным всемогуществом, единственным сущим. В другом случае под словом природа понимают более или менее ограниченную совокупность явлений, вещей и существ, которые окружают человека, – одним словом, его внешний мир. Против этой внешней природы борьба не только возможна – она фатально необходима, фатально навязана мировой

природой всему, что живет, всему, что существует; ибо всякое существующее и живое существо, как я уже заметил, несет в себе следующий двойной естественный закон: 1) оно не имеет возможности жить вне своей естественной среды или своего внешнего мира; 2) оно может поддерживать себя, лишь существуя, лишь живя в ущерб этой среде, этому миру, постоянно борясь против этой среды, этого мира. Значит, этот мир или эту внешнюю природу человек, оснащенный способностями и свойствами, которыми его одарила всеобщая природа, может и должен победить, может и должен побороть; рожденный в первоначальной квазисовершенной зависимости от внешней природы, он должен в свою очередь покорить ее и отвоевать у нее свою собственную свободу и свою человечность.

До всякой цивилизации и до всякой истории, в исключительно отдаленную эпоху и в течение периода времени, который мог длиться неизвестное число тысяч лет, человек сначала был лишь диким животным среди многих других диких животных – может быть, как горилла или очень близкий к горилле сородич. Он, как плотоядное или скорее всеядное животное, был несомненно более прожорлив, более свиреп, более жесток, чем его родня из других видов. Он вел, как и они, разрушительную войну, и, как они, он работал. Таким было девственное состояние, как его превозносят всевозможные религии, идеальное состояние, столь расхваленное Жаном Жаком Руссо. Кто вырвал человека из этого животного рая? Его развивающийся интеллект, естественно, непременно и последовательно прилагающийся к его животному труду. Но в чем состоит прогресс человеческого разума? С формальной точки зрения он особенно состоит в наибольшей привычке мыслить, которая приобретается упражнением мышления, а также во все более точном и чистом сознании своей собственной деятельности. Но все, что формально, становится какой-либо действительностью, лишь соотносясь со своим объектом: но каков объект той формальной деятельности, которую мы называем мышлением? Это действительный мир. Человеческий разум развивается, прогрессирует лишь посредством познания действительных вещей и фактов, посредством сознательного наблюдения и посредством все более и более точного и подробного установления существующих между ними отношений и упорядоченной последовательности естественных явлений, различных порядков их развития, или, одним словом, всех присущих им законов. В момент, когда человек приобрел знание законов, которым подчинены все действительные существования, включая его собственное, он научается сначала предвидеть некоторые явления, что позволяет ему их предупредить или гарантировать себя от тех из их последствий, которые могли бы стать для него пагубными и вредными. Кроме того, это знание законов, направляющих развитие естественных явлений, примененное к его мускульному, первоначально чисто инстинктивному или животному труду, позволяет ему постоянно извлекать пользу из этих же самых естественных явлений и всех вещей, совокупность которых составляет внешний мир, который первоначально был столь враждебен ему, но который затем благодаря этой научной краже в конечном счете мощно способствует осуществлению его цели.

Если привести очень простой пример, то так происходит с ветром, который сначала давил человека деревьями, вырванными с корнем его силой, или опрокидывал его дикую хижину, а позднее вынужден был молоть его хлеб. Так происходит с одним из наиболее разрушительных элементов – огнем, который, когда его должным образом приспособили, дал человеку благодатное тепло и менее дикую, более человеческую пищу. Заметим, что наиболее разумные обезьяны знали, что можно прийти погреться, как только разжигали

огонь, но ни одна из них не могла сама разжечь его, ни даже поддерживать его, подбрасывая в него новый хворост. Несомненно также, что прошло много веков, прежде чем человек, дикий и столь же мало разумный, как обезьяны, научился этому ныне столь рудиментарному, столь тривиальному и в то же время столь ценному искусству разжигать огонь в печи и умело пользоваться огнем для своего собственного употребления. Вот почему древние мифологи не преминули обожествить человека или, скорее, людей, которые сумели первыми извлечь из этого пользу. И вообще мы должны предположить, что самые простые искусства, которые в это время составляли основы домашнего хозяйства наименее цивилизованных народов, стоили первым человеческим поколениям огромных изобретательных усилий. Это объясняет приводящую в отчаяние медлительность человеческого развития на протяжении первых веков истории по сравнению с быстрым развитием наших дней.

Таков, значит, способ, которым человек преобразовал и продолжает преобразовывать, побеждать и подчинять свою среду, внешнюю природу. Разве он это делает посредством бунта против законов той мировой природы, которая, охватывая все, что есть, составляет также его собственную природу? Напротив, именно посредством познания, самого почтительного и самого скрупулезного наблюдения этих законов ему не только удастся постепенно освободиться от ига внешней природы, но в свою очередь еще и покорить ее, по крайней мере частично.

Но человек не довольствуется этим воздействием на собственно внешнюю природу. Поскольку есть разум, способный отвлечься от своего собственного тела и своей собственной личности и рассматривать ее как внешний объект, человек, постоянно побуждаемый присущей его существу потребностью, применяет тот же способ, тот же метод для изменения, для исправления, для совершенствования своей собственной природы. Он представляет собой естественное внутреннее иго, которое человек также должен сбросить. Это иго представляется ему сначала в форме его несовершенств и слабостей или даже его индивидуальных как телесных, так и умственных и нравственных болезней; затем в более общей форме своей дикости или своей животности перед лицом своей человечности, поскольку последнее осуществляется в нем поступательно посредством коллективного развития его социальной среды.

Чтобы победить это внутреннее рабство, у человека нет также никакого иного средства, кроме науки о естественных законах, которая направляет его индивидуальное и его коллективное развитие, а также приложение этой науки как к его индивидуальному воспитанию (гигиеной, гимнастикой своего тела, своих чувств, своего ума и своей воли и посредством разумного образования), так и к постепенному преобразованию социального порядка. Ибо не только он сам, рассматриваемый как индивид, но и его социальная среда, то человеческое общество, ближайшим продуктом которого он есть, в свою очередь есть продукт мировой и всемогущей природы в том же качестве и таким же образом, каким им выступают муравейники, ульи, общности бобров и всех других видов животных ассоциаций; и так же, как эти ассоциации, бесспорно, образованы и живут доньше в соответствии с естественными свойственными им законами, человеческое общество во всех фазах своего исторического развития подчиняется, хотя само оно в этом сомневается большую часть времени, законам, которые естественны, как и законы, которые управляют животными

ассоциациями, но по крайней мере часть которых ему исключительно присуща. По своей как внешней, так и внутренней природе человек есть не что иное, как животное, которое благодаря сравнительно более совершенной организации своего мозга одарено только большей дозой разума и аффективных сил, нежели животные других видов. Поскольку, следовательно, базис человека, рассматриваемого как индивид, представляется, таким образом, полностью животным, базис человеческого общества также не мог бы быть иным, как животным. Но так как разум человека-индивида – это прогрессирующий разум, организация этого общества также должна быть прогрессивной. Прогресс есть, строго говоря, естественный основной и присущий исключительно человеческому обществу закон.

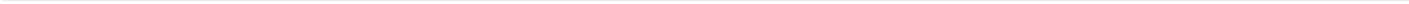
Воздействуя на самого себя и на социальную среду, ближайшим продуктом которой, как я только что сказал, он есть, человек – и не будем забывать об этом никогда – не делает ничего другого, кроме как подчиняется естественным, ему свойственным законам, которые действуют в нем с неумолимой и непреодолимой фатальностью. Будучи последним продуктом природы на земле, человек продолжает, если можно так сказать, посредством своего индивидуального и социального развития ее дело, творение, движение и жизнь. Самые разумные, самые отвлеченные и как таковые самые удаленные от того, что называют обычно природой, его мысли и его действия суть не что иное, как ее новые творения или проявления. Значит, с этой мировой природой у человека не может быть никакого внешнего отношения, ни рабства, ни борьбы, так как он носит эту природу в самом себе и ничего собой не представляет вне ее. Но, изучая эти законы, отождествляя себя некоторым образом с ними, преобразуя их психологическим способом, свойственным его мозгу, в человеческие идеи и человеческие убеждения, он освобождается от тройного ига, которое ему навязывают сначала внешняя природа, затем его собственная природа и, наконец, общество, продуктом которого он является.

После всего того, что я только что сказал, мне кажется очевидным, что никакой бунт против того, что я называю причинностью или мировой природой, невозможен для человека: она его окружает, она его пронизывает, она и вне его, и в нем самом, она составляет все его бытие. Бунтуя против нее, он бунтовал бы против самого себя. Очевидно, что для человека невозможно признать только слабость попытки и нужды в подобном бунте, так как, не существуя вне мировой природы и нося ее в самом себе, находясь в любой момент своей жизни в полном тождестве с ней, он не может ни рассматривать себя, ни чувствовать себя перед ней в качестве раба. Напротив, только изучая и присваивая себе, если можно так выразиться, посредством мысли вечные законы этой природы, – законы, которые проявляются равным образом и во всем том, что составляет его внешний мир, и в его собственном индивидуальном развитии: телесном, умственном и нравственном, – он добивается постепенно сбрасывания ига внешней природы, ига своих собственных естественных несовершенств и, как мы увидим позднее, ига авторитарно установленной социальной организации.

Но как тогда могла возникнуть в уме человека эта историческая мысль о разделении ума и материи? Как можно было понять беспомощную, смешную, но также историческую попытку бунта против природы? Эта мысль и эта попытка современны историческому творению идеи бога; они были ее необходимым следствием. Сначала под словом «природа» человек понимал только то, что мы называем внешней природой, включая его собственное тело; а

то, что мы называем мировой природой, он назвал Богом; с тех пор законы природы стали не законами, присущими природе, но проявлениями божественной воли, заповедями Бога, навязанными свыше как природе, так и человеку. После этого человек, вступившись за этого созданного им самим Бога против природы и против самого себя, взбунтовался против нее и создал свое собственное политическое и социальное рабство.

Таким стало историческое дело всех религиозных догм и культов.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 21 июня 2025 21:54:36
██████████ ██████████ обновил 21 июня 2025 21:55:05